

Дарья СТАХАНОВА

ПАМЯТЬ

Просто здесь ничего не меняется, кроме названий и интерьера —
Да и мы все те же, сменились только тела.
Те же начальники НКВД, те же беспочвенные дела.
И Москва в тех же кольцах, древесных кольцах Гомера.
Каждое начинание кончается высшей мерой.

Это мы. Это нас кормили прогорклой кашей без молока.
Это мы выросли врагами народа из октябрят.
Это с нас вы сдирали спесь, как кожу ножом с телят.
Это за нами все время смотрят с той стороны замка:
Сначала соседи сквозь скважину, после — каратели у глазка.

Это в нас обратилась Цветаева за петлей,
В нас перешел Гумилев где-то после четвертой пули.
Это нас зачинала в Краслаге при карауле.
В нашу землю не вставить лопаты — артерии под землей,
И не нефть, а кровавая жижа идет струей.

Это мы научились спать стоя, как скот в загоне.
И у нас не мимические морщины — история на лице.
И теперь в выходные мы ходим с семьей в ТЦ,
Обыкновенный районный ТЦ на расстрельном Бутовском полигоне.
И мы так спокойны, будто за нами и нет никакой погони.

Это нас посвятили в зрителей пустоты,
Обязали вариться здесь вечности напролет.
Верные узники прошлого, которое не пройдет,
Полные кавалеры ордена слепоты,
Каждую ночь оживающие кресты.
С безымянных братских могил обугленные кресты.

Дарья Владимировна Стаханова родилась в 1987 году в г. Туле. Получила образование в Российском государственном социальном университете по специальности «переводчик». Начала писать стихи с 10 лет, публиковалась с 13 лет, в том числе в региональных газетах. В возрасте 19 лет выпустила первый сборник стихов «Шаг и мат», тираж которого полностью распродан. В 2013 году вышел второй поэтический сборник «Nota Bene». Лауреат литературной премии имени В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» за 2016 год. Финалист Фестиваля поэзии и драматургии имени Леонида Филатова. Поэтические подборки издавались в журналах «Дальний Восток», «Север», «Слово/Word», «Эмигрантская лира».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А потом я вернусь. И найду вас старой, напуганной и во тьме.
И добуду вам наконец и моржовый клык, и китовый ус.
Между нами снова всего лишь стол — бесполезный дубовый метр.
Между нами снова лишь воздух, нейтральный на цвет и вкус.
Я обрыскал весь мир, ожидая, что кем-нибудь увлекусь.

Но вернулся. В венке из оливы, в льняном пиджаке,
Повидавший все виды, приставший ко всем берегам.
Понимаете, в стае всегда есть нужда в жожаке —
И я был жожаком, беспощадным, гроза всем врагам.
Я сразил целый мир, беспрестанно тоскуя по вам.

Я вернулся. Я вырос в глупца из юнца.
Обо мне ходит слава, дурная, что крымский портвейн.
Я вернулся за правом стоять и курить у крыльца,
А наткнулся на камень в земле, двух ворон и пустой суховей.
И холодное майское солнце, садящееся меж ветвей.

НЕ

Если не веришь, спроси чумного. Времени не воротишь.
От Дамаска остались снимки, Непал в руинах.
Так что лучше трижды подумай на повороте —
Что-то придется выпустить и покинуть.

Не вернуть момента, не высечь искры, не скинуть скорость,
Не взойти меж пшеницы, сквозь камень не просочиться.
Все, что с нами не происходит, — это всего лишь поросль
На фоне того, что уже и не думает приключиться.

НАВСЕГДА

Как кончаешь ты говорить о фактуре моей судьбы,
Так глаза твои обращаются в два колодца на кромке леса.
И ты смотришь в окно, а там пух опустился на город плотной густой
завесой.
Что за сказка с дурным зачином, гнилым замесом?
Все ухабы да рвы. На «авось», «кое-как», «кабы».

Как кончаешь ты говорить и выходишь из комнаты, чтоб сдержаться:
Не трепать мне волос, не пробить кочергою темя.
Я подпиленный винт в самом сердце твоей системы.
Я письмо, что всегда оставляют без подписи и без темы.
Я тот стих, что читатель легко перескажет вкратце.

Как кончаешь ты говорить, и пыльца опадает с лилий со звуком грома.
С этим звуком солдат, марширующих в день парада.
Словно небо в июльский полдень разверзлось градом,
Артострелом над пленным и вымершим Ленинградом.
И в моих перепонках вибрирует гул прибывающих в порт паромов.

Как кончаешь ты говорить, выжигая Помпеи, сдавая Спарту,
Затопляя материка на большой политической карте,
Покрывая торфяники дымом, озимые перегноем.
Так кончаешь ты говорить. Навсегда говорить со мною.

НЕ СМОГ

И потому что надо до снега встретиться, помолчать, проститься,
Посмеяться друг другу в опустошенные злые лица,
Поколоться хребтами, поупираться лбами, помериться ширию ран.
Я с тобой был собой, а теперь — обогащенный взрывной уран.

Я с тобой был глуп, аккуратен, приметлив и терпелив.
Я тебе нужен был на час, как дурак калиф.
А теперь посмотри: у меня между язв проступает вязь,
Я лежу на земле в крови, даже не дерясь.

Посмотри, как меня не щадило лето, застав врасплох.
Я был твой любимый малыш-нарцисс, стал — чертополох.
А ты снишься мне ночью такая же точно, как в феврале —
С этим взглядом впритык, от которого дрожь, будто ты желе.

Ты была благозвучней песен, наполненной всяких притч.
Ты ложилась в меня, словно каменщик клал кирпич.
А теперь в этой кладке дыры чернее самых глубоких шахт.
Где-то там, где, согласно легендам, живет душа.

Я распорот по шву, словно заяц, и лезет вата.
Я тупой или острый угол внутри квадрата.
Я был к месту всегда, а теперь стал не вовремя, недосуг.
Я сухой и трухлявый, спиленный мертвый сук.

И потому что нам надо было встретиться и проститься.
Выпить наспех кофе. Тебе с молоком, корицей?
Я бы справился, сдюжил, выжил и пережил
Разлуку, затянутую бечевкой из моих первоклассных жил.

Только ты порешила оставить сохнуть меня, как мох.
Кстати, если читаешь это, то я не смог.

ЗДЕСЬ ВСЕ ПРОСТО

Либо река, бегущая между нами, мне снится,
Либо и впрямь течет.
Ни берегов, ни уровней, ни границы,
Притоки на пересчет.
Что-то несет еще.

Воды не для рыбалки, камни не для поделок,
Рыба не для сетей.
Лещины полны орехов, только вот не для белок.
Берег не для гостей.
Время не новостей.

Время следить за руслом, жить между нашей глади,
Удерживать берега.
Мы с ней, наверное, сладим.
Смоем с земли снега.
Так ты мне дорога.